

УДК 811.512.145

ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО НОМИНАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ НЕДОСТАТКОВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Д.К. Вахитова

*Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
e-mail: dilik15@yandex.ru*

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

В статье представлено исследование специфики использования инвективных единиц, направленных на критику интеллектуальных недостатков человека. В качестве основного материала выступают произведения современной татарской литературы. Был произведен сравнительный анализ частоты встречаемости инвективных слов и словосочетаний по данной тематике в работах писателей, а также были выделены основные группы инвектив согласно функции, реализуемой в художественном тексте. Отмечается, что многие современные авторы прибегают к использованию усилительных частиц, повышающих резкость инвективного высказывания. Особое внимание уделяется многофункциональности инвективной лексики, ориентированной на осуждение глупости. В результате исследования было установлено, что инвективные сочетания данной тематики используются в каждом литературном труде, что свидетельствует о значимости умственного развития в татарской среде.

***Ключевые слова:** инвективная лексика, метафора, татарский язык, татарская литература, эмоционально-оценочная лексика.*

Введение

Под инвективной лексикой понимаются слова и словосочетания, используемые для унижения человеческого достоинства, отрицательной оценки оппонента и его поведения или ситуации речевой коммуникации в целом. Важно отметить, что инвективы отражают культурный и национальный характер и занимают важное место в языковой системе любого народа, т.к. служат важным средством выражения отрицательного оценочного отношения.

Источником пополнения и расширения инвективной лексики является весь словарный состав языка, элементы которого способны изменять свое значение от комплиментарного до оскорбительного в зависимости от особенностей речевого общения.

В современной лингвистике рассматриваются различные аспекты инвективной лексики. К примеру, инвектива подробно исследуется не только в рамках устной коммуникации, но также в управленческом

дискурсе [Филимонов 2023], судебно-лингвистической экспертизе [Семенова 2022], интернет-среде [Кучина 2023] и др.

В татарском языкознании эмоциональная лексика в целом, и инвективная лексика в частности, изучается активно с учетом различных факторов и аспектов. Ф.И. Тагирова исследует инвективную лексику в сопоставительном аспекте [Тагирова 2014], Г.Р. Галиуллина затрагивает данную проблему при рассмотрении просторечной лексики татарского языка [Галиуллина 2021].

Основным объектом данного исследования являются инвективные средства, направленные на осуждение интеллектуальных недостатков человека, функционирующие в речи героев современных татарских произведений. Предмет работы – функциональные характеристики употребления инвективной лексики в татарском художественном тексте.

Материалы и методы

Материалом для комплексного исследования послужили примеры, собранные из произведений таких татарских писателей, как Т. Айди, М. Магдеев, М. Маликова, Г. Ахунов, Ф. Садриев, А. Гилязов, Т. Галиуллин, З. Хаким, Н. Гыйматдинова и др.

Методы работы обусловлены спецификой объекта и предмета исследования. При проведении исследования были использованы как общенаучные, так и частные методы, такие как сплошная выборка, интерпретативный анализ, описание, сопоставительный анализ и др. Контекстуальный анализ позволил выявить основные функциональные группы инвектив, использованные в работах современных татарских писателей. Количественный анализ позволил определить наиболее употребимые инвективы, направленные на осуждение интеллектуальных недостатков персонажей произведений.

Результаты

Глупость является одним из подробно обозначенных недостатков в татарской культуре. Коммуникант, подчеркивая умственные проблемы оппонента, демонстрирует свое доминирующее положение. В отсутствии ума обвиняются многие литературные персонажи в художественных произведениях, что объясняет их ошибки, совершенные в отображаемых ситуациях. При таком обвинении в первую очередь используются различные инвективные средства. В татарском языке имеется значительный конгломерат инвектив, осуждающих данный недостаток.

Было обнаружено более 110 случаев употребления инвектив данной тематики в речи персонажей современных произведений татарской литературы. В результате анализа выявленные инвективные слова и

словосочетания были распределены в основные группы согласно их стилистической функции.

Самой многочисленной является группа инвективных единиц, выполняющих функцию эпитета в художественном тексте (77% от общего числа инвектив, выявленных в работах современных татарских писателей). Как известно, эпитет способствует выражению эмоционально оценочного отношения к объекту высказывания. Самыми употребительными инвективными формулами для отрицательной оценки глупости и невежественности человека являются следующие: *аңгыра* (букв. глупец), *акылсыз* (букв. неумный), *ахмак* (букв. дурак), *магънәсез* (букв. бестолковый), *надан* (букв. невежа), *дивана* (букв. дурак), *миңгерәү* (букв. бестолочь), *тиле* (букв. глупец), *тинтәк* (букв. глупец), *юлар* (букв. дурень), *юньсез* (букв. непутевый, бестолковый) и т.д.

Результаты количественного анализа свидетельствуют о том, что инвективный эпитет *тиле* (букв. глупец) представляет собой самую частотную лексическую единицу данной группы (22% от общего количества инвектив данной группы). Отметим, что данная лексема была обнаружена в произведениях М. Маликовой, Н. Гыйматдиновой, Т. Айди, Г. Ахунова, А. Гилязова, Т. Галиуллина, М. Магдеева: *Ни лыгырдыйсың син, тиле хатын!* ‘Что ты мелешь, глупая женщина’ [Гыйматдинова 2006: 263]; *Менә тиле!* ‘Вот глупец’ [Әйди 2000: 107]; *Менә тиле кыз!* ‘Вот глупая девушка’ [Гыйләжев 1976: 192]; *Туктатырга кирәк ул тилене!* ‘Надо остановить этого глупца’ [Галиуллин 2008: 300]; *Бер дә әллә кем буласы юк, минекен ашап үсте, хәерче тиле!* ‘Некем ему себя возомнить, все мое подьедал, когда рос, глупый бедняк’ [Мәһдиев 1988: 96] и др. (Перевод текстовых фрагментов здесь и далее выполнен автором статьи. – Д.В.).

В ходе анализа работ татарских писателей был выявлен случай редупликации. Под редупликацией понимается фонеморфологическое явление, заключающееся в удвоении слога, основы и всего слова. В романе Т. Галиуллина «Тәүбә» (Покаяние) были обнаружены редупликаны *тиле-миле*, где второе слово рифмуется с первым: *Тәне гарип, зиһене загыйфь яисә тиле-миле аскет революционер булмаган ир-ат мондый мөмкинлекне ычкындырамы соң?* ‘Такую возможность не может упустить человек, искалеченный телом, слабый духом или глупый аскет, не желающий быть революционером’ [Галиуллин 1997: 111].

Частотность инвективы *ахмак* (букв. глупец, дурак) составила 17% от числа инвектив данной группы: *Тап-таза килеш егылып үлгән мужчина завещание язды дип ышандырмакчы мәллә син, ахмак мальчик!* ‘Ты, глупый мальчик, пытаешься убедить меня, что завещание написал мужчина, который будучи совершенно здоровым, упал замертво’ [Гыйматдинова 2006: 165]; *Һи, ахмак кыз, Йосыф кебек булдыксыз ирләр*

мондый затлы коттеджлар торгыза ди сиңа! ‘Эх, глупая девчонка, разве такие нерасторопные люди, как Юсуф, строят такие роскошные коттеджи!’ [Гыйматдинова 2006: 227]; *Күзләре ахмак булса, башкасының әһәмияте юк.* ‘Если у человека глаза глупые, то остальное уже не важно’ [Галиуллин 1997: 153]; *Бу ир дигәннәре бөтенесе ахмак!* ‘Что касается мужчин, то они все дураки’ [Маликова 2008: 347]; *Ахмак, дурак, куркак!* ‘Глупец, дурак, трус’ [Садриев 2005: 309] и др.

Инвектива *надан* (букв. невежа, тупой) является одной из классических средств, используемых авторами в своих произведениях: *Кара син аны, йөр син аны бер надан карчык дип!* ‘Посмотри-ка на нее, вот и думай, что она глупая старуха’ [Мәһдиев 1988: 150]; *Наданнар сез! Ач бүреләр!* ‘Вы тупые! Голодные волки’ [Гыйләжев 1994: 547]; *Икенчесе – ваклашасың, вакланма, ваклама, вагайма, син надан, син миңа ошамыйсың...* ‘Во-вторых, ты становишься мелочным, не мелочись, ты тупой, ты мне не нравишься’ [Галиуллин 1993: 15]; *Кәлимуллин, син надан.* ‘Калимуллин, ты тупой’ [Галиуллин 1993: 15] и др.

В процессе интерпретативного анализа был установлен случай оксюморона с использованием лексемы *надан* (букв. невежа, тупой) в романе М. Магдеева «Ачы тәҗрибә» (Горький опыт): *Надан “галимнәр” барлыкка килде.* ‘Появились тупые ученые’ [Мәһдиев 1993: 381]. Подчеркнем, что такой стилистический прием в сочетании с инвективой создает неожиданное смысловое единство и отличается особой выразительностью.

Инвективные сочетания с лексемой *юньсез* (букв. непутевый, бестолковый) составляют значительный пласт в работах современных татарских писателей (11% от общего количества инвектив данной группы): *Ах, юньсез малай!* ‘Ах, бестолковый мальчишка’ [Садриев 2022: 16]; *Ник акырасың, юньсез?! ‘Ты чего кричишь, бестолковый’* [Садриев 2022: 41]; *Әй, сез, юньсезләр, каркылдашмагыз, әби-бабайларны йокыдан уятасыз.* ‘Эй, вы, бестолковые, не болтайте, бабушку и дедушку разбудите’ [Гыйматдинова 2006: 41]; *Ник миңа тагылдың, жүнсез?! ‘Что ты ко мне прицепился, бестолковый’* [Гыйматдинова 2006: 184]; *Бар бит юньсез бәндәләр!* ‘Есть же бестолковые людишки’ [Гыйләжев 1994: 392]; *Хатыны, жүнсез, бүтәнгә чыгып киткән...* ‘Его жена, бестолковая, за другого вышла’ [Маликова 1983: 28]; *Болай булмый бит инде, юньсез!* ‘Так уж не бывает, бестолковый’ [Мәһдиев 1988: 11] и др.

Лексема *юләр* (букв. дурень), которая часто используется для обвинения человека в отсутствии ума, широко представлена в современном художественном тексте (11% от общего количества инвектив данной группы): *Их син, юләр!* ‘Эх, ты, дурень’ [Садриев 2005: 152]; *Әй, жүләр кызый, жүләр кызый!* ‘Эй, глупая девчонка, глупая девчонка’ [Ахунов 1969: 117]; *Жүләр, беркатлы сабый булганмын моңарчы!* ‘Я до

этого был глупым, недалеким ребенком' [Гыйләжев 1994: 172]; *Нәрсәгә моңа тагын колакча кирәк икән, вәт әсүләрләр...* 'Зачем для этого понадобилась шапка-ушанка, вот бестолковые...' [Галиуллин 2008: 188]; *Тукай абзый серең белгәч, кызартырлар йөзеңне, "әсүләр" бу дип ачырмастар күзеңне...* 'Тукай говорил, что когда узнают правду, то вгонят твое лицо в краску, а слова, что ты бестолковый, не дадут раскрыть твои глаза' [Галиуллин 1997: 42] и др.

Критика умственных способностей с компонентом *аңгыра* (букв. глупец) составляет 9% от общего количества инвектив данной группы: *Нәрсә аңламый торасың, аңгыра!* 'Что ты не понимаешь, глупец' [Садриев 2005: 206]; *Һэй, аңгыра!* 'Эх, глупец' [Гыйматдинова 2006: 131] и др.

Инвективный элемент *дивана* (букв. дурак) был выявлен работах Ф. Садриева, Г. Ахунова, Т. Галиуллина, А. Гилязова (4% от общего количества инвектив данной группы): *Мине исәр, дивана, дип көлүчеләр барын да беләм.* 'Я знаю, что надо мной смеются, называя меня придурковатым и тупым' [Садриев 2022: 109]; *Колагыңа мамык тыккан идеңмени, дивана?..* 'Ты почему засунул вату себе в уши, тупица' [Гыйләжев 1994: 527] и т.п.

Тинтәк (букв. глупец) составляет 4% от общего количества инвектив данной группы: *Син, тинтәк хайван, сары йорт хакында, монда жан тәслим кылган сабыллар турында Ионыч әйткән сүзләрне ишетмәдеңмени?* 'Ты, глупая скотина, разве не слышал слова Ионыча о желтом доме, о детях, отдавших здесь душу?' [Гыйләжев 1994: 529]; *Тинтәк!* 'Глупец' [Хәким 2009: 69] и др.

Инвектива *булдыксыз* (букв. бестолковый) представлена в небольшом объеме в анализируемых произведениях татарских писателей (2% от общего количества инвектив данной группы): *Чынлап торып уйласаң – син үзең булдыксыз, энә минем хатын ел саен тупырдатып малай апкайта: берсеннән-берсе таза, берсеннән-берсе ачы тавышлы; сугыша башласалар, буровой шлангасыннан су сибеп кенә котылмалы.* 'Если хорошенько подумать – сам ты бестолковый, вот моя жена каждый год рождает: один другого здоровее, один другого крикливее, если они начнут драться, то их можно остановить, только поливая их водой из бурового шланга' [Ахунов 1968: 130] и др.

Лексема *мәгънәсез* (букв. бестолковый) в функции критики интеллектуальных недостатков содержится в незначительном количестве (2% от общего количества инвектив данной группы): *Автобусны ватканнар хәерсезләр, ике-өч сәгать көттөрөп утырдылар да, бүген бара алмыйбыз, автобус юк, диделәр, хәттаки гафу да үтенмәделәр, мәгънәсезләр.* 'Автобус разбили негодники, заставили ждать два-три часа и сказали, что сегодня не поедет, даже не извинились, бестолковые' [Ахунов 1993: 12] и др.

Инвектива *миңгерәү* (букв. тупой) была обнаружена лишь в произведении А. Гилязова «Язгы кәрваннар» (Весенние караваны): *Андыйга сизгер егетләр шундук эләктереп алдылар: “Колакай да колакай! Саңгырау да миңгерәү!”* ‘Чуткие парни сразу же отреагировали на это: “Глухой так глухой! Глухой и тупой”’ [Гыйләжев 1976: 6].

В ходе исследования было установлено, что персонажи используют инвективы в речи с целью осуждения интеллектуальных недостатков не только оппонентов, но и своих. Подобная самокритика со стороны героев прослеживается в романах М. Магдеева «Кеше китә – жыры кала» (Человек уходит – песнь остается) и Г. Ахунова «Хужалар» (Хозяева): *Мин дурак! Мин тиле! Синең сүзең белән йөргән мин жүләр!* ‘Я дурак! Я глупец! Я бестолковый поверил твоему слову’ [Мәһдиев 1978: 66]; *Сиңа әйткән мин тиле!* ‘Какой же я глупец, что сказал тебе’ [Ахунов 1968: 141].

Результаты анализа свидетельствуют о случаях употребления инвективной лексики в притяжательном падеже в уменьшительно-ласкательной форме. Мы предполагаем, что таким образом утрачивается резкость инвективы и ее оскорбительность. Указанные случаи были обнаружены в романах Н. Гыйматдиновой «Бер тамчы ярату» (Одна капля любви) и Т. Айди «Иблискә ришвәт» (Взятка дьяволу): *Ярар, тилекәем, кайгырма, күрәләтә үтермәм, чарасын күрербез, – дип, сырхауны тынычландырып, театрға киттем.* ‘Ладно, глупенькая, не переживай, я не убью на глазах у всех, найдем способ – этими словами я утешила больного и пошла в театр’ [Гыйматдинова 2006: 108]; *Юләркәем, шунда тәгәрәп китсәң? Менә тиле!* ‘Глупенькая, а если бы ты туда укатилась? Вот глупая’ [Әйди 2000: 87]; *Тилекәем!* ‘Глупенькая моя’ [Әйди 2000: 305].

Следует отметить, что в высказывании героев часто используется целый ряд инвектив, осуждающих умственные недостатки. При этом в смысловом ряду все инвективные единицы обладают одним и тем же семантическим значением. Подобные примеры встречаются в рассказах Т. Галиуллина «Сәмруг кош» (Птица Симург) и «Мәкер» (Коварство): *Үзен теләсә нинди әҗисемле сынландыруны кулланудан тартынып тормыйча әрләде: шыр тиле, дивана, ахмак, надан, кем инде сиңа тиктомалдан чирек бәясенә машина китереп тоттырсын.* ‘Он не ограничивал себя в использовании разных приемов олицетворений, когда ругал такими словами как глупец, тупица, бестолковый, дубина, кто тебе продаст машину ни с того ни с сего за такую низкую цену’ [Галиуллин 2008: 236]; *Ачы бал пары очып бетү белән кыюлыгы да кими, үзен ахмак, тилебәрән орлыгы ашаган тинтәк дип әрли.* ‘Когда пар кислого меда испарился, его смелость тоже поубавилась, он начал называть себя глупцом, тупицей, обьевшимся белены’ [Галиуллин 2008: 112]. В романе М. Магдеева «Ачы тәҗрибә» (Горький опыт) инвектор обвиняет коммуниканта в глупости, используя каскад инвектив: *Беренчедән, син – ахмак, мокыт. Икенчедән,*

син – магънаsez, идиот! ‘Во-первых, ты – глупец, безмозглый. Во-вторых, ты бестолковый, идиот’ [Мәһдиев 1993: 70].

Обращает внимание употребление ряда интенсификаторов вместе с инвективами, которые придают дополнительную эмоциональную окраску и выразительность высказываниям героев. К примеру, частица *шыр* (букв. сплошь, весь, до крайности) совместно с инвективой усиливает отрицательную оценочность и категоричность суждений персонажей: *...берни дә куймаган коллегасына ышанмыйча, күзле бүкәнне, шыр наданны тыңлап, зряга вакытын уздырып утырсын, ди.* ‘...он не поверил своему коллеге, который ничего ему не поставил, послушав этого глупца (букв. бревно с глазами), совершенного тупицу, потратил свое время впустую’ [Галиуллин 2008: 238]; *Шыр дуракка, нинди эш бирсеннәр?! ‘Какую работу могут дать совершенному тупице’* [Гыйләжев 1994: 527]. Интенсификаторы *беткәнче* (букв. до предела, всем существом) и *дөнъя* (букв. мир) придают инвективному сочетанию особую резкость: *Беткәнче аңгыра.* ‘Тупица всем своим существом’ [Мәһдиев 1988: 25]; *Дурак! Надан! Дөнъя наданы бит син! Бар, күземнән югал!* ‘Дурак! Тупица! Ты же тупица всего мира! Уйди с глаз моих’ [Мәһдиев 1993: 229] и др.

В следующую группу входят инвективы, реализующие функцию метафоры (5% от общего числа инвектив, выявленных в работах современных татарских писателей). Инвективная метафора находит широкое применение в современной татарской литературе. Общеупотребительными являются инвективы с компонентом-зоонимом. В татарской лингвокультуре отсутствие интеллекта ассоциируется с бараном (*сарык*), что находит отражение и в литературе: *Халык – сарык, диючеләр урыннарында калырга тиеш түгелләр.* ‘Те, кто говорят, что народ – это бараны, не должны оставаться на своих постах’ [Садриев 2005: 290]. Кроме того, глупый человек сравнивается с грибом (*гәмбә*) в романе Т. Айди «Иблискә ришвәт» (Взятка дьяволу): *Теге тинтәк гәмбә тыңлатырга теләми инде безгә Лондонны!* ‘Этот глупец (букв. глупый гриб) не хочет дать нам послушать про Лондон’ [Әйди 2000: 341].

Инвективная лексика в функции метонимии составляет немногочисленную группу. Инвективы данной группы содержат компонент *баш* (букв. голова), что представляется логичным, так как голова является сосредоточением умственных способностей человека. К лексеме *баш* (букв. голова) присоединяется инвективный эпитет, обозначающий глупость: *Нишли ул, жүләр баш?* ‘Что он делает, глупец (букв. глупая голова)’ [Гыйматдинова 2006: 256]; *Син ни сөйләгәннеңне аңлыйсыңмы, аңгыра баш?!* ‘Ты понимаешь то, что ты говоришь, тупица (букв. тупая голова)’ [Садриев 2005: 25]; *Ир кайгысы икән синдә, ә мин – кибәк баш...* ‘Ты переживаешь о муже, а я – глупая (букв. голова из

мякины)...’ [Гыйматдинова 2006: 111]; *Өеңдә кем көтә сине, юләр баш...* ‘Кто тебя дома ждет, глупец (букв. глупая голова)’ [Мәһдиев 1988: 125].

Наконец, отдельно следует выделить многочисленные заимствования из русского языка. Данный факт обусловлен тем, что татарский и русский языки являются контактирующими, и наличие заимствований является закономерным. В анализируемых произведениях самыми частотными инвективными заимствованиями являются *дурак* и *идиот*: *Вәт дурак!* ‘Вот дурак’ [Садриев 2005: 308]; *Вәйт карт дурак!* ‘Вот старый дурак’ [Садриев 2005: 66]; *Идиот!* [Әйди 2000: 221]; *Авыл кызлары дигәч тә, безне чеп-чи дуралар дип санысыз.* ‘Когда вы говорите о деревенских девушках, вы считаете нас полными дурами’ [Галиуллин 2008: 213] и др.

Обсуждение результатов

В результате анализа современной татарской художественной литературы был сформирован ряд групп инвективной лексики и фразеологии, направленных на осуждение интеллектуальных недостатков человека. Формирование групп осуществлялось в соответствии с функцией, выполняемой инвективой в тексте. Были выявлены три основные группы:

1. Эпитет.
2. Метафора.
3. Метонимия.

Согласно количественным данным, самой обширной является группа инвектив, выполняющих функцию эпитета. Самыми частотными инвективными единицами в данной группе являются такие инвективы, как *тиле* (букв. глупец), *ахмак* (букв. дурак), *надан* (букв. невежа). Инвективные метафоры и метонимии представлены в значительно меньшем объеме. Среди метафор выделяются зоометафоры, среди метонимии – инвективы с компонентом *баш* (букв. голова). Также были выявлены инвективные заимствования из русского языка, самой употребительной из которых является инвектива *дурак*.

Кроме того, были проанализированы усилительные частицы, повышающие резкость инвективного высказывания в татарской литературе.

Заключение

Результаты исследования, посвященного анализу инвективной лексики, направленной на осуждение глупости и невежественности человека, позволили прийти к ряду заключений.

Рассмотрев инвективную лексику в произведениях современных татарских писателей, было установлено, что инвективы, ориентированные на критику умственных способностей человека, представлены в каждой

работе. Следовательно, частая критика интеллектуальных недостатков говорит о ценности и важности умственного развития в культуре татарского народа. Следует также отметить, что конгломерат инвектив в работах авторов значительно не различается.

Проанализированные инвективы многофункциональны, т.к. выступают в роли различных стилистических средств, тем самым эмоционально обогащая речь героев.

И, наконец, выявленная в произведениях инвективная лексика отражает самобытность, традиции и культурные особенности татарского народа.

Библиографический список

Кучина Д.Д. Стилистико-языковые параметры речевого жанра интернет-комментарий в твиттере // *Германистика-2022: nove et nova. Материалы V Международной научной конференции.* Москва, 2023. С. 169–172.

Семенова Ж.А. Судебно-лингвистическая экспертиза как новый вид судебных экспертиз в Кыргызской Республике // *Инновации в судебно-экспертной деятельности в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России. Материалы Всероссийской конференции.* Сост. Е.В. Чеснокова. Москва, 2022. С. 134–140.

Тагирова Ф.И., Вахитова Д.К. Специфика функционирования инвективных единиц в татарском и удмуртском языках // *Актуальные проблемы татарской филологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции (12 декабря 2014 г.) / Отв. ред. И.Ф. Зарипова.* Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 169–175.

Филимонов О.В. Инвективная лексика в управленческом дискурсе в силовых ведомствах // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки.* 2023. № 4 (853). С. 153–160.

Ахунов Г. Акча күктән яумый: повестьлар, хикәяләр, очерклар, сәнгать парчалары. Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. 288 б.

Ахунов Г. Дусларым янында: повестьлар, хикәяләр һәм очерклар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1969. 320 б.

Ахунов Г. Хужалар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1968. 216 б.

Әйди Т. Иблискә ришвәт. Роман. Казан: «Аваз», 2000. 376 б.

Галиуллин Т.Н. Замана балалары: истәлекләр, уйланулар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. 224 б.

Галиуллин Т.Н. Мәкер: повестьлар һәм хикәяләр. Тат. кит. нәшр., 2008. 302 б.

Галиуллин Т.Н. Тәүбә: роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 240 б.

Галиуллина Г.Р. Гади сөйләм лексикасының хәзерге татар телендә кулланылышы // Труды и материалы Казанского международного лингвистического саммита. В 2-х томах. Том 1. Казань, 2021. С. 325–327.

Гыйләжәев А. Әсәрләр, дүрт томда. 1 т.: Хикәяләр. Повестьлар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1994. 574 б.

Гыйләжәев А. Мәхәббәт һәм нәфрәт турында хикәят: повестьлар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1976. 264 б.

Гыйматдинова Н. Бер тамчы ярату: Повестьлар, хикәяләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 2006. 351 б.

Маликова М. Ак давылда тал бөресе. Роман // Казан утлары. 1983. №4. Б. 3–85.

Маликова М. Тылсым. Шәфкәт: романнар. Казан: Тат. кит. нәшр., 2008. 400 б.

Мәһдиев М.С. Ачы тәҗрибә: Истәлекләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. 384 б.

Мәһдиев М.С. Кеше китә жыры кала // Казан утлары. 1978. №11. С. 7–70.

Мәһдиев М.С. Фронтвиклар: Роман. Икенче басма. Казан: Тат. кит. нәшр., 1988. 340 б.

Садриев Ф. Бәхетсезләр бәхете: Роман. Казан: Тат. кит. нәшр., 2005. 351 б.

Садриев Ф. Тургай. Сайрап Чак. Казан: Тат. кит. нәшр., 2022. 390 б.

Хәким З. Легионер / З. Хәким // Казан утлары. 2009. №10. Б. 60–88.

References

Kuchina D.D. Stilistiko-yazykovye parametry rechevogo zhanra internet-kommentarij v twittere // Germanistika-2022: nove et nova. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 2023. S. 169–172.

Semenova Zh.A. Sudebno-lingvisticheskaya ekspertiza kak novyj vid sudebnyx ekspertiz v Kyrgyzskoj Respublike // Innovacii v sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti v sisteme sudebno-ekspertnyx uchrezhdenij Minyusta Rossii. Materialy Vserossijskoj konferencii. Sost. E.V. Chesnokova. Moskva, 2022. S. 134–140.

Tagirova F.I., Vaxitova D.K. Specifika funkcionirovaniya invektivnyx edinic v tatarskom i udmurtskom yazykax // Aktualny'e problemy tatarskoj filologii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (12 dekabrya 2014 g.) / Otv. red. I.F. Zaripova. Ufa: RICz BashGU, 2014. С. 169–175.

Filimonov O.V. Invektivnaya leksika v upravlencheskom diskurse v silovyx vedomstvax // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvenny'e nauki. 2023. № 4 (853). S. 153–160.

Axunov G. Akcha kyktan yaumyj: povest'lar, xikayalar, ocherklar, sangat' parchalary. Kазan: Tat. kit. nashr., 1993. 288 b.

Axunov G. Duslarym yanynda: povest'lar, xikayalar ham ocherklar. Kазan: Tat. kit. nashr., 1969. 320 b.

Axunov G. Xuzhalar. Kазan: Tat. kit. nashr., 1968. 216 b.

Ajdi T. Ibliska rishvat. Roman. Kазan: «Avaz», 2000. 376 b.

- Galiullin T.N. Zamana balalary` : istaleklar, ujanular. Kazan: Tat. kit. nashr., 1993. 224 b.
- Galiullin T.N. Maker: povest`lar ham xikayalar. Tat. kit. nashr., 2008. 302 b.
- Galiullin T.N. Tayba: roman. Kazan: Tatar. kit. nashr., 1997. 240 b.
- Galiullina G.R. Gadi sojlam leksikasy`ny`n xazerge tatar telenda kullany`ly`shy` // Trudy` i materialy` Kazanskogo mezhdunarodnogo lingvisticheskogo sammita. V 2-x tomax. Tom 1. Kazan`, 2021. S. 325–327.
- Gy`jlazhev A. Asarlar, durt tomda. 1 t.: Xikayalar. Povest`lar. Kazan: Tat. kit. nashr., 1994. 574 b.
- Gy`jlazhev A. Maxabbat ham nafrat tury`nda xikayat: povest`lar. Kazan: Tat. kit. nashr., 1976. 264 b.
- Gy`jmatdinova N. Ber tamchy` yaratu: Povest`lar, xikayalar. Kazan: Tat. kit. nashr., 2006. 351 b.
- Malikova M. Ak davy`lda tal borese. Roman // Kazan utlary`. 1983. №4. B. 3–85.
- Malikova M. Ty`lsy`m. Shafkat`: romannar. Kazan: Tat. kit. nashr., 2008. 400 b.
- Mahdiev M.S. Achy` tazhiba: Istaleklar. Kazan: Tat. kit. nashr., 1993. 384 b.
- Mahdiev M.S. Keshe kita zhy`ry` kala // Kazan utlary`. 1978. №11. S. 7–70.
- Mahdiev M.S. Frontoviklar: Roman. Ikenche basma. Kazan: Tat. kit. nashr., 1988. 340 b.
- Sadriev F. Baxetsezlar baxete: Roman. Kazan: Tat. kit. nashr., 2005. 351 b.
- Sadriev F. Turgaj. Sajrar Chak. Kazan: Tat. kit. nashr., 2022. 390 b.
- Xakim Z. Legioner / Z. Xakim // Kazan utlary`. 2009. №10. B. 60–88.